

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Эти часы служили Марине
Цветаевой оберегом.
Когда она их лишилась,
удача отвернулась
от великого поэта. В наши
дни брегет должен был
охранять семью новой
владелицы, но принес
лишь несчастье...

Мария СПАССКАЯ

Роковой оберег Марины Цветаевой

Мария Спасская
Роковой оберег
Марины Цветаевой
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6894019

*Мария Спасская. Роковой оберег Марины Цветаевой: Эксмо; Москва;
2014*

ISBN 978-5-699-71783-5

Аннотация

До Жени Колесниковой с трудом доходили слова следователя, рассказывавшего о том, что произошло ночью в их доме. Неизвестный застрелил ее маму, Марьяну Колесникову, а маленький брат Юра бесследно исчез! Вскоре выяснилось: с места преступления похищены старинные часы, которые Марьяна, в молодости работавшая экскурсоводом, получила в дар от русского эмигранта в Париже. Много лет назад великий русский поэт Марина Цветаева считала этот берег своим оберегом. Она верила в легенду – раньше часы принадлежали самому Наполеону, принося ему удачу. Когда блистательная Марина лишилась их, в ее жизни наступила черная полоса... Берег должен был охранять семью Колесниковых, но стал причиной несчастья. И теперь его поиски могут привести к похитителю и убийце...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Мария Спасская Роковой оберег Марины Цветаевой

Владелец антикварного магазинчика месье Жандре нервничал. Вот уже битый час в зале прогуливалась девица, ничего не покупая и ни о чем не спрашивая. Девица была самая обычная, невысокая, полненькая, в очках, с прямыми пепельными волосами, расчесанными на прямой пробор и забранными назад в незамысловатую прическу, скрытую под неброской шляпкой. Такие девицы толпами расхаживали по Парижу, но мало кто из них заглядывал в пыльный полуподвал с потрепанными временем безделушками в самом конце улицы Бонапарта и уж тем более, никто не тратил свое драгоценное время, простаивая у витрин. «Должно быть, воровка», – мелькнуло в голове у месье Жандре, но антикварт тут же с негодованием отринул эту мысль. «Да нет, на воровку не похожа. Скорее, малышка просто застенчива». Раздираемый противоречиями владелец магазина не спускал глаз со странной посетительницы и как только заметил, что внимание ее привлекли карманные часы на цепочке с альманахом и репетиром, заметно оживился:

– Мадемуазель желает поближе посмотреть брегет Наполеона? – учтиво осведомился продавец.

Марина вздрогнула и жадно впилась глазами в лицо сухонького горбатого старика, удивительно похожего на колдуна из сказок Гофмана. Старик был так мал, что почти не возвышался над прилавком, и Марина не заметила его раньше. Воспитанная на немецком романтизме, девушка воспринимала мир сквозь призму удивительных историй о рыцарях и прекрасных дамах, которые мама – талантливая пианистка с немецкими корнями в родословной – частенько читала им с сестрой. Собеседник М. точно вышел из одной из сказочных историй и как будто прочел ее мысли. Брегет приковал внимание девушки с первого взгляда, и, хотя об этом ни слова не было сказано на сопроводительном ярлычке, Марина сердцем почувствовала, что это Его вещь! Вот уже больше года Бонапарт был страстью и болью Мариной жизни. Как то, роаясь в библиотеке отца, пятнадцатилетняя дочь профессора Московского университета Ивана Цветаева натолкнулась на роман Ростана «Орленок», героем которого был французский император Наполеон I. В книге увлекательно говорилось о его единственном законном сыне, рожденном от австрийской эрцгерцогини Марии Луизы, которую Бонапарт никогда не любил. Невзлюбила толстую австриячку и Марина, страстно жалея кокетливую авантюристку Жозефину, до последних дней Наполеона державшую в своей маленькой ручке его отважное сердце. Однако любимая Жозефина не могла родить наследника французского престола, и император вынужден был с ней расстать-

ся. История любви, убитой во имя долга, потрясла впечатлительную девушку до такой степени, что Марина отправилась в книжные магазины на Кузнецком мосту и скупила все имеющиеся портреты как самого Бонапарта, так и его сына Франсуа Жозефа Шарля, в трехлетнем возрасте навсегда разлученного с отцом. Юноша получил титул герцога Рейхштадтского и вошел в историю как Орленок, ибо орел был геральдическим символом Наполеона. Орленок умер от чахотки в двадцать два года, так и не успев стать орлом. Совсем недавно от этой же страшной болезни скончалась мать девушки, оставив Марину и трех других детей – родную Маринину сестру Анастасию и единокровных Леру и Андриюшу – на попечение профессора, и подобное совпадение особенно потрясло впечатлительную поэтессу. Этого слова Марина не любила. Цветаева предпочитала, чтобы о ней говорили – поэт, ибо, сколько себя помнила, все время сочиняла стихи и относилась к своему занятию очень серьезно. Настолько серьезно, что с энтузиазмом взялась за перевод роستانовского «Орленка» и более полугода жила жизнью молодого герцога Рейхштадтского. Загоревшись идеей оформить свою комнату в отчем доме, расположенном в Трехпрудном переулке, в стиле ампир, неутомимая поклонница Наполеона объехала Москву в поисках обоев с «пчелками». Но, не найдя императорских «пчелок», удовлетворилась обоями темно красными, усыпанными золотыми звездами, и почти на каждую звезду приколола по портрету Бонапар-

та. А над письменным столом, за которым трудилась над стихами, Марина повесила овальный портрет герцога Рейхштадтского работы Лоренса. Подбирая рифмы, она любовалась на нежное личико мальчика лет девяти, задумчиво глядящего вдаль огромными темными глазами и словно видящего там, в будущем, свою печальную судьбу. Не успокоившись на достигнутом, Цветаева пошла дальше. Как то отец, заглянувший в комнату дочери, был потрясен кощунством – в киоте вместо иконы красовался портрет завоевателя корсиканца. Разгневанный профессор стал требовать вернуть икону на место, однако Марина, неистово сверкнув глазами, схватилась за подсвечник, как за оружие, с самым недвусмысленным намерением до последнего отстаивать свои святыни и ясно давая понять отцу, что он для нее не авторитет. Смущенный и расстроенный порывом М., Иван Владимирович закрыл за собой дверь, уважая право дочери на собственное мнение. И вот в окружении драгоценных реликвий Марина, запершись у себя в комнате, с утра до ночи переводила «Орленка». Вдохновенно работала она до тех пор, пока не узнала, что русский перевод уже существует. Мгновенно охладев к работе, Цветаева забросила Ростана, ведь его уже касались чьи то руки, шептали чьи то уста, подбирая слова и рифмы, а быть второй Марина не хотела. Тогда беспокойным духом шестнадцатилетней сумасбродки завладела новая мысль – проехаться по местам своего героя, посетить его могилу и посмотреть на великую Сар-

ру Бернар в роли Орленка. Профессор Цветаев, занятый созданием музея изящных искусств, больше не вмешивался в жизнь дочери, и когда та выразила желание отправиться во Францию для учебы, только развел руками.

Прибыв в Париж, Марина принялась ходить по музеям, набираясь впечатлений о своем кумире, а вечерами отправлялась в театр на Ростана. Сжигаемая фанатичной любовью к Бонапарту, Марина пробиралась за кулисы и умоляла Сарру Бернар подписать открытки, на которых великая француженка была изображена в роли Орленка. Когда Марина наведальась за кулисы в третий раз, Сарра не выдержала напора бесцеремонной русской и, выхватив протянутую открытку, размашисто черкнула через все свое лицо «Это не я!», внизу поставив автограф. Эта спонтанная выходка отрезвила поклонницу, тем более что пожилая Бернар не так уж и походила на юного герцога Рейхштадтского, как его рисовала себе Марина. После обидного конфуза с театрами было покончено, но оставалось еще немало мест, где можно было найти Его следы. В Париже Марина решила поселиться на улице Наполеона, но, к ее огорчению, таковой здесь не оказалось. Зато нашлась улица Бонапарта, на которой и сняла квартиру юная Цветаева. Маленькая и узкая улочка вся, как будто специально, состояла из книжных магазинов и антикварных лавочек, по которым без устали прогуливалась шестнадцатилетняя почитательница героического корсиканца в надежде отыскать что-нибудь еще о

своём божестве. Мариной было куплено немало вещей, напоминающих о Бонапарте, а в тот день ей попались новые сокровища: старый истрепанный календарь с Его изображением, пара фарфоровых чашек, одна с Наполеоном, другая – с Жозефиной, и вот теперь – Его брегет!

Девушка отвела завороченный взгляд от морщинистого лица гофмановского колдуна и недоверчиво спросила:

– Это точно Его часы?

– О да, мадемуазель! – широко улыбнулся маленький горбун, обнажив редкие зубы. От этой улыбки по спине у М. пробежал холодок – на мгновение старик напомнил ей Мышатого¹, серого, длиннорукого, лишённого шерсти, завладевшего в пятилетнем возрасте всеми ее помыслами и ставшего ужасом и любовью ее детства. Это он, Мышатый, или, как еще его называла Марина, Черт, обитавший в комнате Леры на застеленной кровати старшей сестры, передавал ей привет из детства и делал знак, что перед девушкой простирается горизонт бесконечных возможностей. Хозяин лавочки, заметив смятение посетительницы, сверкнул бесцветными глазами Мышатого и с воодушевлением продолжал: – Эти дорожные часы с альманахом и репетиром Наполеон заказал в мастерской Бреге за месяц до своего Египетского похода. Часы проделали с корсиканцем весь его героический путь, он верил, что именно они приносят ему удачу. Бонапарт не расставался с брегетом вплоть до тысяча

¹ Герой рассказа Марины Цветаевой «Черт».

семьсот девяносто восьмого года. Он потерял часы во время битвы у пирамид, и, хотите верить, мадемуазель, хотите нет – судьба Бонапарта тотчас же переменилась. Я думаю, вы знаете, как он закончил свои дни.

– Да, знаю, – чуть слышно прошептала ошеломленная девушка. И, все еще не веря в удачу, выдохнула: – Откуда они у вас?

– Принес сын булочницы с улицы Ля Фер, – небрежно откликнулся антиквар. – Все знают, что отец этой уважаемой женщины во время Египетского похода служил при штабе императора и прошел бок о бок с Наполеоном весь его тернистый путь. Сын булочницы говорит, что дед нашел этот брегет в тот самый момент, когда пушечное ядро накрыло его самого и его боевых товарищей. Тяжелое ранение помешало младшему адъютанту вернуть утерянный брегет хозяину, хотя он и знал, чья это вещь. Ну, а потом у доблестного воина императорского войска больше уже не было такой возможности.

– Зачем же сын булочницы продал вам брегет? – осведомилась Марина, твердо решив, что непременно купит часы у сказочного человечка. – Это же настоящая реликвия!

– О да, мадемуазель, вы совершенно правы! – возбужденно подхватил старик. – Это реликвия, и еще какая! Однако неделю назад старуха умерла, а сын ее совсем не сентиментален, – вздохнул владелец магазина. И, понизив голос, добавил: – Молодой булочник принес часы мне, заявив, что бре-

жет зовет его на подвиги и подбивает покорить мир. Но юноша желает провести жизнь не в боях и сражениях, а в кругу семьи, тем более что в начале апреля он только только женился. Если у мадемуазель есть желание покорить мир, брегет будет ей верным помощником.

Наблюдая, как покупательница открывает сумочку, доставая из нее деньги, антиквар учтиво предложил:

– Может, желаете взглянуть на чтонибудь еще?

– Благодарю, вы ангельски добры, – откликнулась Марина осипшим от волнения голосом. – Но я, пожалуй, ограничусь брегетом.

Внутри нее все пело: часы самого Наполеона, которые привели корсиканца к славе! Цветаева не сомневалась – ей уготована великая судьба.

Убирая покупку в обшитую бархатом коробку и заворачивая коробку в шуршащую синюю бумагу, месье Жандре мысленно хвалил себя за сообразительность и отличное зрение, позволившее ему издали рассмотреть выглядывающий сквозь как бы случайно прорвавшуюся упаковку лик Наполеона, изображенный на потрепанном календаре из соседней букинистической лавочки. С букинистом антиквар находился в приятельских отношениях и нередко сам оказывал соседу подобного рода пустяковые услуги. Бизнес держался на доверчивых туристах, и не было ничего зазорного в том, чтобы украсить старинную вещь цветистой легендой, выбрав для этого персонаж, милый сердцу покупателя.

Городок у нас маленький, и до любого места добираться на машине за десять минут. На это я и рассчитывала, выходя утром из дома. Одного я не учла – перекрывшего мне дорогу грузовика. Часы показывали без пяти десять, и я старалась на них не смотреть, чтобы не дергаться понапрасну, но глаза помимо воли тянулись к циферблату на приборной доске. Опоздать на планерку в газете, где я работаю, равнозначно преступлению, Людмила Викторовна такого не прощает. Наш главный редактор мило улыбнется, с понимающим видом выслушает оправдания и даст такое задание, что только держись. Хорошо, если отправит беседовать с представителем управляющей компании выяснять причину перебоев с отоплением на улице Чкалова, а то и того хуже – пошлет в Банный лес составлять ежедневный отчет о том, как протекает месячник по уборке мусора среди предприятий города. Главный печатный орган Лесного городка должен освещать все городские события, и кому то необходимо разгрести авгиевы конюшни муниципальных проблем, поэтому неприятная работа ложится на плечи самых нерадивых сотрудников. А кто у начальства считается нерадивым? Правильно, тот, кто опаздывает.

С трудом дождавшись, когда грузовик закончит маневрировать, разворачиваясь и выезжая со двора, я вдавила педаль

газа в пол и на всех парах понеслась в редакцию. Хотя красотами природы любоваться было некогда, душа все равно радовалась и пела, когда мимо окна проносились живописно припорошенные снегом мохнатые ели и высоченные корабельные сосны, перемежающиеся черно белыми вкраплениями берез. Если справа от шоссе мелькали среди деревьев частные дома, виднелись разноцветные черепичные крыши коттеджей, то слева проскакивали аккуратные муниципальные строения, регулярно освежаемые краской и штукатуркой. Лесной городок так называется не случайно, ибо располагается в самом настоящем лесу. К нему из Москвы ведет единственная дорога, сужающаяся до улицы, проходящей через весь город и упирающейся в лесничество. От главной улицы вправо и влево отходят улочки и переулочки, которые в совокупности и образуют Лесной городок. До недавнего времени наш город считался закрытым, на въезде стоял шлагбаум, и попасть сюда можно было только по пропускам. Теперь же пропускной режим упразднили, и любой желающий может наведаться в Лесной городок и покататься на горных лыжах. На Пирожной горе есть вполне приличный горнолыжный спуск, установлены два подъемника, и все любители зимних забав съезжают сюда с досками и лыжами. Недалеко от лесничества возвышается поросшая высоченными елями гора Колбаска. Она не так крута, как Пирожка, зато у ее подножия бьет родник, из которого горожане берут для питья сладкую и чистую родниковую воду, пренебрегая

водопроводом и покупной магазинной водой. Теперь мало кого удивляют взрывы, доносящиеся с территории градообразующего предприятия НИИ «Геофизика», а в первое время москвичи, купившие квартиры в здешних новостройках, выбегали во двор посмотреть, не началась ли война. Жители столицы охотно селятся у нас, ибо местной инфраструктуре может позавидовать самый престижный район Москвы. В недавно отстроенном спорткомплексе имеется вполне достойный тренажерный зал и очень приличный бассейн, а также футбольное поле и боксерский ринг. В общем, есть чем себя занять рядовому горожанину в свободное от работы время. Поэтому пьяных в городе практически не бывает, во всяком случае если они и появляются, то не бродят по улицам в поисках приключений, как делает это большинство обитателей столицы, а, как и в советские времена, когда город был закрытым, тихо мирно расходятся по домам, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. При кажущейся пасторальности картины у нас иногда случаются происшествия, и я как начинающий журналист не упускаю случая об этом написать. Но, честно говоря, особого таланта к подобного рода журналистике не чувствую и с гораздо большей охотой освещаю события культурной жизни города, такие, как передвижные выставки, театральные постановки и гастролы заезжих цирковых трупп, которыми нас балуют чуть ли не каждую неделю.

Я свернула на Пионерскую к зданию редакции, располо-

женной на втором этаже старого дома с портиком и колоннами, построенного еще до войны. На первом этаже обосновались библиотека и магазинчик компьютерных принадлежностей, а второй этаж целиком и полностью отведен под нужды городской газеты. Как выяснилось, гнала я не зря и прибыла как раз вовремя – все наши еще были в кабинете начальства, ибо в здании стояла благодатная тишина, хотя обычно стоит невообразимый шум. Рабочая, так сказать, обстановка. Взбежав на второй этаж, я вихрем пролетела по коридору и, сбавив ход, степенно вошла в кабинет главного редактора, присев на стульчик у двери и сделав вид, что сижу здесь давным давно. В кабинете, как всегда в конце планерки, царило оживление. Закончив обсуждение статей в только что вышедшем номере, коллеги разбирали задания на следующую неделю, толпясь у стола главного редактора. Но, как я ни старалась пробраться в кабинет как можно тише, мое появление все же не прошло незамеченным. Людмила Викторовна выглянула из толпы подчиненных, ознаменовала мой приход холодной улыбкой и на вялое приветствие ответила со сдержанным оптимизмом:

– Вот Женя Колесникова про узбеков и напишет.

– Что я должна про них написать? – насторожилась я.

– Про драку с поножовщиной на остановке, – пояснила главный редактор. И почти ласково добавила: – Тебе, Женечка, проще всего сделать этот материал, каждый день с начальником городского управления полиции нос к носу стал-

квиваешься. Вот и расспроси у Андрея Сергеевича про инцидент.

Что правда то правда, сталкиваюсь. Ибо живу с полковником Шаховским в частном доме среди елей и сосен, вижусь за завтраком и слушаю, как за дело и без дела Андрея отчитывает моя мать. Марьяна приходится полковнику женой, а я, соответственно, приемной дочерью.

– Конечно, сделаю, – покладисто согласилась я и, радуясь, что так легко отделалась от задания на предстоящую неделю, уже поднялась со стула, чтобы выйти из кабинета начальницы, но Людмила остановила меня властным жестом.

– Это не все, Колесникова, – проговорила она. – Задержись на пару минут.

Я опустилась на стул и принялась терпеливо дожидаться, когда редактор переговорит с другими сотрудниками газеты и обратит на меня благосклонный взгляд. И вот, наконец, кабинет опустел, и руководитель взглянула в мою сторону.

– К двадцать третьему февраля мы готовим праздничный выпуск газеты, хотим разместить на первой полосе интервью с ветеранами, – сообщила начальница. – Вопросы будут самые обычные – где фронтовик встретил начало войны, как воевал, каким образом узнал о победе. Девочки разобрали себе по несколько старичков, а тебе, Жень, чтобы не опаздывала, оставили самого древнего, девяностолетнего. Честно говоря, совершенно бесперспективного.

– В чем же выражается его бесперспективность? – беспеч-

но осведомилась я, не принимая всерьез замечание начальницы.

Людмила поправила очки, запустила пятерню в волосы и принялась накручивать на палец короткую светлую прядь, попутно объясняя:

– Какой то он мутный, этот дед. Как ни позвонишь – все не могу да не могу. Очень капризный ветеран, за три года, что я работаю в газете, – ни одного интервью не дал. Ты же знаешь, Жень, у нас фронтовики на вес золота, каждый на учете, мы их всех уже по сто раз опросили, фото в газете разместили, и нам бы рассказ свежего человека очень пригодился. А твой ветеран ни в какую не идет на контакт.

– Вы заранее ему звонили, а зря, – заметила я. – Зачем звонить? Можно свалиться как снег на голову, чтобы не отвертелся.

– Вот ты, Колесникова, и свались, – предложила Людмила Викторовна, переставая накручивать волосы и делая запись в ежедневнике. – Съезди, навести Тимофея Ильича. Тем более что живет пенсионер Егоров недалеко от вашего дома, на Сосновой.

– Это та улица, которая идет параллельно Дачной? – уточнила я.

– Совершенно верно. Много времени поездка у тебя не займет и на занятиях в институте не отразится.

Людмила имела в виду журфак университета, где я учусь, и поэтому в городской газете работаю на полставки. Набира-

уюсь опыта, да и жить на что то надо. У мамы я не беру денег из принципа, хотя она и пытается подсунуть мне тыщонку другую. Странное дело, теперь, когда денег у нее достаточно и Марьяна может позволить себе все, что захочет, мама все чаще пребывает в плохом настроении и срывается на крик. А когда мы жили одни и мама работала гидом переводчиком в Париже, она бывала весела и довольна жизнью, хотя денег частенько не хватало, и мама уезжала из страны на весь год, чтобы заработать побольше, оставляя меня с бабушкой Зоей. Когда я приезжала в Париж на лето, мы отлично проводили время, и ни разу Марьяна на меня не закричала, не то что теперь. Поэтому я стараюсь поменьше бывать дома, предпочитая квартиру бабушки, пустующую после ее смерти. Но отчиму моя обособленность не нравится, Андрей хочет, чтобы мы жили одной дружной семьей. Говорить об этом смешно, потому что жить дружной семьей с полковничьим сыном я не собираюсь. Василий Шаховской по прозвищу Шах прославился еще в школе, имея авторитет не только у одноклассников, но и среди ребят на несколько лет старше себя. Когда Василий учился в седьмом классе, у него на побегушках были парни из девятого, а гулял он с первой красавицей школы, ученицей выпускного класса. Я в ту пору училась во втором классе и в расчет не принималась даже ничем не примечательными старшеклассниками, не говоря о легендарном Шахе. Правда, у меня было существенное преимущество перед остальными школьниками – моя мама преподавала француз-

ский. Марьяна устроилась в школу сразу же после того, как ее почему то уволили из «Интуриста». Василий имел обыкновение хамить учителям на уроках, и мама, не выдержав, как то вызвала в школу его родителей. Шаховской рос без матери, и в школу явился его отец. Не знаю, о чем велась беседа, но Андрей Сергеевич вскоре сделал маме предложение, которое она, немного подумав, приняла. И если нового папу я еще готова была терпеть, то старшего «братца» мне и задаром не надо. А когда родился мой единоутробный брат Юрочка, жизнь вообще превратилась в ад. Поэтому я все чаще и чаще остаюсь в бабушкиной квартире, вызывая гнев мамы и упреки полковника Шаховского.

Выкинув из головы мысли о вещах несущественных, я погрузилась в размышления о работе. Ну что же, репортаж с ветераном Егоровым и заметка про драку узбеков – это не так уж много. Можно попробовать прямо сейчас решить ситуацию с узбеками, завтра отправиться к фронтовику, а потом, не торопясь, работать над статьями всю оставшуюся неделю, не забывая про курсовую. Воодушевленная принятым решением, я уселась за руль и двинулась в управление полиции.

* * *

Волшебная сила брегета начала проявляться с первых же дней возвращения в Москву. Еще до отъезда во Францию Марина познакомилась с поэтом Эллисом, и новый знакомый

запросто, без церемоний стал наведываться к ним в Трехпрудный переулок. Эллис был худ, высок, почти лыс, питался от случая к случаю и по большей части в гостях, жил одной лишь литературой и знал всех московских поэтов и прозаиков, чем очень привлекал сестер Цветаевых. За сытные трапезы он щедро отплачивал гостеприимным хозяевам искрометными историями из жизни богемы. Это не могло не насторожить отца девушек. Озабоченный новым знакомством, профессор Цветаев не без основания опасался дурного влияния на дочерей. Ивана Владимировича мучила мысль, что, наслушавшись Эллисовых историй, любознательные и своевольные девицы – старшая Муся и младшая Ася – прикнут к богемным кругам столицы. Тем более что Муся к тому времени уже почти совсем забросила гимназию и не мыслила себя без литературного творчества, живо интересуясь поэтическими кружками, расплотившимися по Москве как грибы после дождя. Все шло к тому, что Муся прибьется по совету Эллиса к одному из них и станет либо разгуливать по Белокаменной в дурацкой желтой блузе, украшенной на шее пышным бантом, выкрикивая малопонятные вирши, либо начнет ночи напролет просиживать в голом виде в обществе таких же, как она, приверженцев высокой поэзии, как заведено в петербургской гостиной у Мережковских, и потащит за собой преданную ей Асю. Встречаясь за трапезой с дочерьми и их новым разговорчивым другом, профессор Цветаев каждый раз с досадой отмечал, что его опасе-

ния отнюдь не беспочвенны. Глаза М. загорались жаждой действия всякий раз, как поэт отодвигал пустую тарелку и переходил к своим байкам. Иван Владимирович ломал себе голову, как бы прекратить визиты чрезмерно общительного литератора, и тут ему неожиданно помог случай. В разгар этой странной дружбы внезапно грянул гром – Элліса обвинили в хищении гравюр в Румянцевском музее, которым заведовал профессор. Поговаривали, что руку к пропаже приложил сам добрый и мягкий Иван Владимирович, не убоившись обрушившихся на него взысканий и неприятностей ради спасения горячо любимых дочерей. Хотя возможно, что все это наветы, и директор Румянцевского музея не имел никакого отношения к краже гравюр, и их действительно похитил нечистый на руку поэт. Но, как бы то ни было, скомпрометированный Элліс перестал бывать в доме Цветаевых, и Марина тут же засобиралась в Париж. Естественно, Марина удивилась, когда после ее возвращения к сестрам неожиданно наведался друг Элліса. Звали визитера Владимир Нилендер, и он пришел не просто так, а принес письмо, в котором оскандалившийся приятель девушек просил Мариной руки. Это было до того странно, что Марина не приняла предложения поэта всерьез, зато с приятным молодым человеком, выступившим в роли галантного посредника, она нашла много общих тем и, сидя в столовой, проболтала до самого утра. Все было славно до того самого момента, когда под утро еще вчера не знакомый Володя вдруг

признался Марине в любви и тоже попросил ее руки. Марина, твердо уверенная в том, что такая, какая она есть – круглощекая, неуклюжая и в очках, не может нравиться мужчинам, была окончательно поставлена в тупик. Она, конечно, мечтала любить и быть любимой, но все происходящее выглядело совсем иначе, чем в девичьих мечтах. Оба претендента на руку Цветаевой старшей вовсе не были Рыцарями На Белых Конях без страха и упрека, каким она рисовала себе будущего мужа, да и до Орленка им было далеко. Девушка решительно отвергла оба предложения, а после ухода отставного жениха поднялась в комнату к сестре. Стоя у окна и пытаясь раскурить свою первую в жизни папиросу, позаимствованную у изгнанного кавалера, Марина задумчиво говорила:

– Знаешь, Ася, я поняла одну вещь. Только тогда, когда человек покидает меня, он становится для меня незаменимым. Когда его нет на глазах, я могу думать и мечтать о нем, не боясь разочарований.

Марина порывисто развернулась лицом к сестре и, взмахнув мелькнувшим в полумраке комнаты огоньком папиросы, взволнованно продолжала:

– Как тебе объяснить? Исчезая из поля зрения, человек остается в сердце украшенным поэтической ложью памяти. Во все времена отсутствующие были мне более дороги, чем присутствующие.

Дни пролетали за днями, и чем больше проходило времени,

тем сильнее Марине казалось, что она совершила ошибку, прогнав Нилендера. Девушка все сильнее убеждалась, что по настоящему любит Володю. Он дворянин, из хорошей семьи, был принят в Морской кадетский корпус, правда, смущаясь, рассказывал, что бог всех московских поэтов Валерий Брюсов настоял на том, чтобы он покинул службу и посвятил себя литературе. Это был еще один минус Брюсову, которого Марина сильно недолюбливала, хотя справедливости ради надо заметить, что в чем то Брюсов был прав, ибо переводы Эхила и Софокла, которые Володя той ночью читал ей до самого рассвета, были чудо как хороши. Может, написать Нилендеру, что переводы греков запали ей в душу и Марине хотелось бы иметь их у себя? Конечно же, польщенный Володя не сможет не нанести ей визит. Или, может быть, наведаться к нему лично? От раздумий, как ей поступить, Марину оторвало ужасное известие – скончался Лев Толстой, автор любимейших книг в семье Цветаевых. Марина тут же отбросила мысли о Нилендере и решила ехать на похороны великого русского писателя, уговаривая Асю составить ей компанию.

– Одумайся, Муся! – взывала к Марине благоразумная сестра. – Если папа узнает, он будет вне себя от ярости!

Но Марина, как всегда, нашла убедительные доводы, чтобы склонить младшую сестру на свою сторону. Узнав о планах дочерей, Иван Владимирович заявил, что он категорически против их поездки на церемонию погребения, упирая

на то, что ожидается небывалое столпотворение народа у гроба Льва Николаевича и можно серьезно пострадать. Но доводы отца только утвердили Марину в мысли, что обязательно надо ехать.

– Ерунда, Ася, папа даже не заметит нашего отсутствия, он всецело занят своим музеем, – беспечно отмахивалась старшая сестра, надевая дорожное платье. – Вот именно – там будет столпотворение! Весь народ простится с Толстым, а я – нет?

И девушки отправились в Ясную Поляну. Надо сказать, что вдохновленная обладанием магическим брегетом, Марина за последнее время заметно изменилась. После того как она обрила голову, мечта о вьющихся кудрях вдруг обрела реальность, и прямые и скучные серые пряди превратились в легкие золотистые локоны, так идущие к излишне круглому Марининому лицу. И стоя у гроба любимого писателя, обновленная и похорошевшая Цветаева вдруг отчетливо поняла, что призывать неудавшегося жениха банальным письмом – это скучно. Только всенародная слава может сделать ее интересной такому необычному человеку, как Нилендер. Нужно послать Володе сборник стихов, напечатанный в типографии за свой счет! Материальная сторона молодого поэта не волновала, профессор Цветаев был не прижимист и позволял дочерям брать из семейной шкатулки столько денег, сколько понадобится. Вернувшись из паломнической поездки в Ясную Поляну, Цветаева так и поступи-

ла. А чтобы подчеркнуть жажду огненной жизни и готовность к ранней смерти, взбалмошная девица посвятила свой первый стихотворный сборник Марии Башкирцевой, романтической девушке поэту, прожившей всего двадцать четыре года, но за свою недолгую жизнь успевшую вступить в переписку с Мопассаном и издать дневник, поражающий пронзительной искренностью.

И вот наконец то книга стихов издана, но к тому моменту, когда в руки автора попал ее первый экземпляр, к Нилендеру Марина уже охладела. Однако мечта поэта исполнилась – «Вечерний альбом» сделал Цветаеву знаменитой. О ее стихах говорили в поэтических гостиных и писали в литературных журналах. А однажды в Трехпрудный переулок пришел невысокий человек с кудрявой бородой в цилиндре. Помимо цилиндра на госте была бархатная черная крылатка, вязаные гетры и короткие бюргерские штаны. Это был Максимилиан Волошин, написавший критическую статью на дебютный сборник Цветаевой и пожелавший передать рецензию лично. Статья оказалась хвалебная, и Марине очень понравилась, впрочем, так же, как и ее автор. Сидя за чаем в гостиной, добрый отзывчивый Макс, водивший дружбу со всей литературной Москвой, звал сестер Цветаевых к себе в Коктебель.

– Приезжайте, не пожалеете! – широко улыбаясь, как ласковый лев, приглашал он. – У нас свои дома и Пра сдает их туристам за символическую плату.

– А кто это – Пра? – удивилась Ася, не спускавшая глаз с поразительного визитера и с детской непосредственностью рассматривавшая пенсне на его мясистом носу, за блестящими стеклами которого прятались маленькие внимательные глаза поэта.

– Пра – это Прародительница, – охотно пояснил гость. Широко улыбнулся и тут же добавил: – Так зовут друзья – литераторы – мою маму, Елену Оттобальдовну.

– И что же, вы постоянно живете у моря? – не поверила Ася, с трудом представлявшая, что можно жить зимой и осенью где то, кроме Москвы.

– Когда не обретаюсь в Париже, – добродушно пояснил Макс. – Но Коктебель – это моя родина. Много лет назад мама купила кусок киммерийской земли и построила на берегу моря дом, в котором обосновалось наше вольное литературное братство. Я уверен, Пра вам понравится так же, как и молодые поэты и художники, обитающие в нашем курортном местечке.

Хотя учебный год в гимназии еще не закончился, Марина сжала в кармане брегет и с внезапно забившимся сердцем решила: непременно поедет!

* * *

В городском управлении полиции я столкнулась с проблемой – отчима вызвали в Москву, и обсудить с ним по-

ножовщину азиатов не представлялось возможным. Стоя в коридоре у запертого кабинета полковника, я набирала на смартфоне номер Андрея, чтобы узнать, когда он вернется, и вдруг мне неожиданно вызвался помочь ведущий это дело следователь Лизяев, ужасно раздражавший меня своей косноязычностью. Ранняя лысина не добавляла Валерию Львовичу шарма, впрочем, как и круглые, навывкате, глаза. Подстриженные щеточкой усы довершали хрестоматийный образ армейского прапорщика. Я давно заметила, что в моем присутствии следователь постоянно краснеет и становится как будто деревянным. Слова приходится тянуть из него клещами, а тут он вдруг сам проявил инициативу. Пригласил в свой кабинет, вскипятил чай, выставил на стол вазочку с печеньем, откашлялся и торжественно произнес:

– Значит, пресса желает знать про инцидент на остановке.

– Желает, – согласилась я, грея руки о чашку.

Лизяев снова откашлялся и по военному доложил:

– Значит, так. Драка произошла на конечной остановке автобуса номер триста семнадцать, следующего из Москвы в Лесной городок, где мы с вами, Женя, живем.

Валерий Львович залился жарким румянцем и, сделав над собой заметное усилие, продолжал:

– Причиной поножовщины стал подряд на ремонт двухкомнатной квартиры в строящемся доме на улице Новая Жизнь, который гражданин Узбекистана Нурмангалиев перехватил у своего соотечественника Султанбекова. Итог по-

единка: один герой в медсанчасти с проникающим ранением в область печени, второй – в бегах.

– Вот это я понимаю, – восхитилась я. – Коротко и ясно, и все по существу. Читатели будут довольны.

– Я готовился, – скромно потупился Лизяев.

– Спасибо, Валерий Львович, я побежала в больницу, – поднялась я с места, залпом допивая чай.

– Можно просто Валера, – напрягся следователь, делая неловкое движение по направлению к своей чашке и опрокидывая ее на стол. И, окончательно смутившись, добавил: – Я тут подумал, Жень. Если что то понадобится. Обращайтесь ко мне запросто, без церемоний. Может, помощь какая. Или еще что. Я всегда. С радостью.

Теперь, когда он не готовился, слова выходили из него с трудом и звучали со скрипом, как колеса несмазанной телеги.

– Спасибо за предложение, непременно обращусь, – обнадежила я и, чтобы не смущать своим присутствием Лизяева, суетливо промокающего носовым платком пролитый на бумаги чай, направилась на выход.

Прикрыв за собой дверь, я горделиво приосанилась, подумав, что вот я и начинаю нарабатывать профессиональные связи в полиции. Теперь на повестке дня стояла медсанчасть, где залечивал раны потерпевший строитель. Нурмангалиев числился в отделении хирургии, расположенном на втором этаже главного корпуса. Он лежал в двухместном боксе, вто-

рую койку в котором занимал вдумчивый шатен с газетой в руках. Вручив потерпевшему пакет с яблоками, за которыми заскочила в продуктовый магазин, я извлекла из сумки диктофон и приготовилась записывать все, что он захочет рассказать мне о своем ранении. Однако Нурмангалиев при виде диктофона заметно струсил и начал категорично отрицать, что на него напали.

– Я сам порезался, – натягивая до подбородка одеяло, точно надеясь за ним спрятаться, бормотал потерпевший. – Никто меня ножом не бил. Товарищ журналистка, так следователю и скажите, хорошо?

– А как же Султанбеков? – допытывалась я. – Он фигурирует в материалах дела как нападавший.

– Ошибся я, не было Султанбекова, – настаивал узбек.

Сосед по палате опустил газету и многозначительно глянул на меня.

– Ему угрожали, – тихо проговорил он, стрельнув глазами в раненого.

– Кто угрожал, когда? – заинтересовалась я, приготовившись записывать имена и фамилии.

– Сегодня приходил один, ругался, – пояснил осведомленный сосед.

– Брат приходил, – испуганно залопотала жертва поножовщины.

– На каком языке они говорили? – повернулась я к шатену.

– Уж точно не по русски, – хмыкнул обладатель газеты.

– Откуда же вы знаете, что приходивший угрожал?

– Догадался по тону беседы.

Я пожала плечами и, убрав диктофон обратно в сумку, повернулась к Нурмангалиеву.

– Значит, ничего мне рассказывать не будете? – на всякий случай уточнила я.

– Я сам порезался, – испуганно затащил узбек. – Так всем и передайте.

Я двинулась на выход. Да уж, сыщица из меня неважная. Но в конце концов не мое это дело. Раскрывать преступления – задача следователя, а я должна всего лишь освещать добытые следствием факты, да и то если позволяет ситуация. Ничего, время терпит. Подожду пару дней, может, Султанбекова задержат и Нурмангалиев станет разговорчивее?

* * *

Весна только набирала силу, а Марина, не слушая уговоры Ивана Владимировича, уже паковала чемоданы, чтобы ехать в Коктебель. Складывая белье в дорожный саквояж, девушка наставляла младшую сестру:

– Вот увидишь, Ася, все отлично устроится! Я поеду сейчас, а ты, чтобы папа не волновался, приезжай после окончания занятий в гимназии.

И Ася, привыкшая во всем соглашаться с Мусей, дождалась лета и поехала в Крым. В дороге она все гадала, как

живет на берегу моря удивительный Макс. И романтичной девушке рисовался то волшебный замок с воздушными башенками, украшенными легкими флагами с гербом их владельца, которые развеивает теплый морской бриз. То готический собор со стрельчатыми окнами с мрачными витражами в духе святой инквизиции. То белоснежный палаццо из камня, отделанный в мавританском стиле синей мозаикой. Но ни одно из фантастических видений, пригрезившихся Анастасии в пути, даже близко не походило на то, что увидела девушка, добравшись до Коктебеля.

До Феодосии Цветаева младшая ехала на поезде, потом пересела на арбу и долго тряслась по каменистой дороге, проложенной среди заливных полей с цветущими пионами. Потом пошли выжженные солнцем степи с полынью и ковылем. А там показались скалы и море и стоящий у самой линии прибоя приземистый белый дом странной архитектуры, со всех сторон облепленный пристройками, над которыми возвышалась прямоугольная башенка, венчавшая основное строение. Расплатившись с возницей, доставившим девушку к месту назначения, Анастасия подхватила чемоданы и пешком отправилась к дому поэта. Навстречу ей шла Марина вместе с Волошиным, буйные кудри которого сдерживал узкий венок из полыни. Облаченный в длинную холщовую рубаху и штаны до колен, Макс радушно улыбался, громко топая сандалиями по камням. Марина, в точно таком же наряде, обняла сестру и, глядя, как Волошин заби-

рает у Аси чемоданы, принялась рассказывать:

– У нас тут весело! У Макса гостит испанка, Кончита, она ни слова не понимает по русски, но страшно ревнует Макса, потому что влюблена в него. Да, кстати, ты видела Игоря Северянина? Нет? Ну, посмотришь! А еще тут поэтесса Мария Папер. Она где то достала меч и, опираясь на него, прогуливается в горы. Конечно, выглядит глупо, но ты не смейся. Она страшно обидчива.

Приблизившись к дому, сестры услышали нежный серебристый смех.

– Вот, слышишь? – кивнула в ту сторону Марина. – Испанка смеется. – И, заметив недоумение на лице сестры, безразличным тоном пояснила: – Она все время смеется, когда не делает Максу сцен. Ну что, пойдём обедать?

Ася окинула любопытным взглядом хозяйство Волошиных и пришла к выводу, что, хотя замками здесь и не пахнет, романтики хоть отбавляй. Гостей кормили на террасе с земляным полом, пристроенной к даче, причем терраса выходила углом к самому прибою. Молодые и веселые гости дома Волошиных расселись на струганых скамьях, поставленных вдоль длинного деревянного стола без скатерти, и с аппетитом принялись уплетать оловянными ложками макароны с луком, которые щедрой рукой, вооруженной половником, раскладывал по тарелкам седовласый король из сказки. Король носил широкие штаны, шитый золотом кафтан с татарскими узорами и красные сафьяновые сапожки.

– Пра, моя сестра Ася, – кивнула сказочному персонажу Марина, получив свою порцию сдобренных луком макарон.

– Н да? Не похожи, – окинув девушку пытливвым взглядом острых птичьих глаз, басом отозвалась Елена Оттобальдовна. Всем давно было известно и никого уже не удивляло, что мать Макса любит коротко стричься и с юности питает слабость к мужскому платью, но для Аси это стало в диковинку. И, сильно картавя, хозяйка низким голосом добавила: – Давайте вашу тарелку, Ася, другим уже роздано.

Когда попили чаю, заваренного на солончаковой коктейльской воде, и начали расходиться, Ася предложила присоединиться к девушкам, отправившимся мыть посуду, но Марина дерзко заявила, повышая голос так, чтобы слышали все вокруг:

– И не подумаю! Есть люди, которые должны мыть посуду, а есть люди, которым должны подавать и прислуживать! Посуда – удел других!

Затем Цветаева толкнула сестру под локоть и указала на высокого худого юношу, важно шествовавшего по дорожке. Он шел, манерно выкидывая ноги в мягких чувяках, и нарочито медленно отводил со смуглого лба прядь вьющихся черных, как смоль, волос.

– Смотри, смотри! – зашептала Марина. – Игорь Северянин! Правда, красив?

Северянин остановился перед розой, и, церемонно изогнувшись, точно целует даме руку, принялся нюхать цветок.

Перенюхав все цветы, растущие вдоль дорожки, Северянин удалился в сторону моря.

– Марию Папер видела? – прошептала неугомонная Марина, показывая куда то за Асину спину. – Вон же она!

Девушки встали из за стола и подошли к дому, чтобы лучше рассмотреть опирающуюся на бутафорский меч девицу, облаченную во что то длинное и зеленое, напоминающее древнегреческую тунику. Взмахнув мечом, Мария воскликнула:

– Иду в горы!

И скрылась за домом.

На следующее утро Ася немало удивилась, застав Марину в саду с Северяниным. Они звонко смеялись, при этом сестра называла Игоря отчего то Серезенькой. Вот тогда и выяснилось, что это был розыгрыш, никакого Северянина в Коктебеле нет, так же, как испанки Кончиты и поэтессы Папер. Всех этих персонажей талантливо отыграли Эфроны, семнадцатилетний брат и две его старшие сестры.

– Он чудный, Серезя! – горячо говорила Марина Асе. – И болен туберкулезом, как герцог Рейхштадтский! Совсем недавно он схоронил мать, как и мы с тобой. Инициалы у него, как у возлюбленного мамы, о котором она писала в дневнике, – помнишь, Ася, мы читали?

Личная драма матери, скрытая от глаз посторонних за внешней чопорностью, поразила девочек до глубины души. Только после ее смерти Ася и Муся узнали, что Мария Мейн

всю жизнь любила женатого человека, но на его предложение быть вместе предпочла ответить отказом, выйдя замуж за овдовевшего профессора Цветаева, бывшего приятелем ее отца и по возрасту превосходившего девушку более чем на двадцать лет. Вместо счастья с любимым человеком романтическая максималистка решила посвятить себя воспитанию детей профессора от первого брака, а также родить ему Мусю и Асю, ни словом не упрекнув мужа в том, что он по прежнему любит покойную жену, а ее принимает лишь как неизбежную необходимость для более менее комфортной жизни семьи. И только на страницах дневника Мария давала волю своему горю, сокрушаясь о несбывшейся любви. Именно об этом дневнике и говорила Марина, рассказывая Асе про охватившее ее чувство.

– И день рождения у нас в один и тот же день, но я старше на год! – взволнованно продолжала девушка. – Кроме того, я загадала – кто принесет мой любимый камень, за того и выйду замуж! И, представляешь, Ася, Сережа отыскал на берегу и подарил мой обожаемый сердолик! Ты не находишь, что слишком много совпадений, чтобы быть случайностью? Я уверена, он Белый Рыцарь! Дивный, благородный и самый великодушный на свете, мой Сереженька!

Помимо слабого здоровья у Сергея был еще один неоспоримый козырь в глазах Марины. Судьба семьи Эфронов брала за душу своей трагичностью. Избранник Марины родился у Елизаветы Дурново, принадлежавшей к старинному дво-

рянскому роду, и еврея – выкреста Якова Эфрона. Родители Сергея познакомились на нелегальном собрании «Земли и Воли». Еще до появления на свет их первенца за антиправительственную деятельность Елизавета Петровна была заключена в Петропавловскую крепость, и, чтобы выкупить жену, Яков Константинович был вынужден продать семейный дом и вывезти супругу за границу. После освобождения Елизавета Эфрон родила девятерых детей, но при этом не оставила революционной борьбы. Вместе с мужем она вступила в партию эсеров, привлекая для отдельных поручений и собственных детишек, которых тоже время от времени задерживали и сажали в тюрьмы. За год до знакомства с Мариной младший брат Сергея, которому было всего лишь двенадцать лет, покончил с собой. Узнав об этом, Елизавета Петровна тут же наложила на себя руки. И вот такого, слабогрудого, надломленного смертью матери и брата, не могла не полюбить юная идеалистка Цветаева. Она не отходила от Эфрона ни на шаг, а после Коктебеля повезла его в Уфимские степи, чтобы вылечить кумысом начинающуюся чахотку.

Вернувшись в Москву, Сергей Эфрон с жаром принялся писать кому то письма, поставив в тупик старшую сестру, у которой жил после смерти матери. Озабоченная шумной историей, как некий молодой человек сначала с кем то долго переписывался, а затем его нашли убитым, сестра не на шутку взволновалась.

– Сережа, – как то вечером осторожно спросила она, – кому это ты все пишешь?

– Моей невесте, – важно ответил Эфрон.

– Сережа, какая невеста? – растерялась родственница. – Ты же гимназию еще не закончил, на что же вы будете жить?

– А она богатая, – простодушно ответил семнадцатилетний жених. – Марина – дочь профессора университета, кроме того, она величайший поэт. Пока мы будем жить так, а потом она будет публиковать свои стихи, а я стану писать прозу.

Но сестра лишь удрученно покачала головой и тяжело вздохнула:

– Ты фантазер, Сережа! Если бы я тебя не знала, я бы поверила, но зная тебя...

Однако Сергей Эфрон и в самом деле написал сборник рассказов, вышедший в издательстве «Оле Лукойе», которое он открыл специально для того, чтобы печатать свои произведения. Это случилось уже после свадьбы, от которой Иван Владимирович был далеко не в восторге. Ему, монархисту по убеждениям, пришлось породниться с сыном бомбистов! Но деваться было некуда, профессор Цветаев привык мириться с сумасбродством старшей дочери. Дальняя родственница Цветаевых подарила молодоженам деньги на дом, и Марина с Сергеем обзавелись собственным жильем в Екатерининском переулке. Погруженная в семейное счастье,

девушка не забывала и про стихи, и почитатели поэзии буквально носили талантливого поэта Цветаеву на руках. Марина не сомневалась, что ей помогает брегет Наполеона и, пока он будет с ней, все у нее получится.

* * *

– Привет, Жень, какие планы на вечер? – спросила мать, как только я переступила порог дома.

Планы у меня были самые замечательные. Я подумывала сходить в бассейн. Знаете ведь, как бывает: то одно, то другое, дела вырастают, будто из под земли, и некогда сходить в бассейн. А тут в моем распоряжении целый ничем не занятый вечер. Об этом я и поведала всем присутствующим в гостиной – домработнице Ольге Владимировне, маме и Веронике, маминой подруге еще со студенческих времен. Сколько себя помню, всегда рядом с мамой была Вероника. Мама еще учились в инязе, когда ее в первый раз отправили на стажировку гидом переводчиком в Париж, где она и познакомилась с Вероникой. Вероника была старше мамы лет на десять, а может, и больше, так как работала во Франции очень давно. Как старший товарищ она взяла над Марьяной шефство, добившись, чтобы после окончания института молодого специалиста Колесникову распределили под ее начало. Подруги проработали бок о бок много лет, и пока мама рожала меня, Вероника приберегала ей место. А потом Ма-

рьяну внезапно отозвали в Москву, и она вернулась к нам с бабушкой в коммуналку на Бауманской. В столичных турагентствах вакансий переводчиков с французского не было, и Марьяна не знала, как жить дальше. И тогда Вероника вспомнила, что в девятом и десятом классе училась в санаторной школе рядом с Лесным городком. Она так самозабвенно хвалила эти места и советовала обменять две наши комнаты в центре столицы на квартиру в Лесном городке, что мама вопреки своему обыкновению решать вопросы самостоятельно ее послушала. И вот мы с мамой и с бабушкой перебрались сюда и ни разу об этом не пожалели. Вероника осталась работать во Франции, вышла замуж за владельца сети ресторанов Эда Полянски, имеющего помимо собственного дома в пригороде Парижа еще и виллу в Майами, и теперь не задумываясь меняла одну модель «Ламборджини» на другую, более новую и продвинутую. Что касается ее внешности, то Вероника – женщина без возраста, как голливудские актрисы или топ модели, достигшие расцвета красоты и законсервировавшиеся в своем самом выигрышном облике. Думаю, что время от времени над лицом и телом Вероники трудятся лучшие пластические хирурги Европы, ибо возраст ее не может определить даже Марьяна, иногда в шутку пристававшая к подруге с требованием показать паспорт, потому что Вероника, несмотря на явное старшинство, выглядит моложе своей протее. Пафосным курортам мадам Полянски предпочитает Лесной городок, куда приезжает при

каждой возможности и отдыхает здесь от шума европейской жизни, набираясь сил у природы, как она сама любит повторять. Она часами гуляет по лесу и знает все окрестности, рассказывая удивительные истории про гору Колбаску и про Пирожную гору, в которой, по преданию, зарыта золотая карета князя Серебряного. В этот раз Вероника приехала неделю назад, чтобы стать крестной матерью Юрика, и до сих пор гостила у нас, собираясь купить особняк поблизости от скромного, по ее меркам, коттеджа моего отчима. И если Марьяна только и знала, что меня ругать, то Вероника была моим добрым ангелом. Она всегда защищала меня от нападков матери и несколько раз увозила с собой в Париж, давая возможность Марьяне восстановить утраченное душевное равновесие. У Вероники я чувствовала себя принцессой. Ее ресторатор бывал неизменно учтив и обходителен, смотрел на Веронику влюбленными глазами, и крохи этой любви перепали и мне. Отправляясь за покупками в бутики, Вероника не забывала взять у месье Полянски побольше денег и для «*la petite fille russe*»², и я возвращалась на родину разодетая, как кукла. Марьяна, которая все это время проводила в неравных боях с мужем и с собственным непростым характером, встречала нас новой истерикой, но Вероника умела ее успокоить, все таки они были подруги и знали друг о друге практически все. Мне же Вероника всегда говорила, что я должна быть снисходительна к Марьяне, ведь моя мать – не простая

² Русской девочки.

женщина, а богом одаренный поэт, а это дорогого стоит. Тут уж нужно закрыть глаза на все обиды, щедро расточаемые Марьяной своим близким. Выслушав рассказ о моих планах, Вероника улыбнулась и качнула бриллиантами в ушах, соглашаясь с моей затеей, а мама посмотрела на меня так, будто я собиралась отправиться на шабаш. Такой взгляд я знала очень хорошо, он означал категорический протест и делал лицо матери как бы слегка изумленным и в то же время обиженным. Она собирала складками лоб и словно спрашивала: «Ты что, смеешься надо мной»? И в этот момент проступал ее истинный возраст, хотя обычно Марьяна смотрелась девочкой подростком. В свои сорок два года мать выглядела спортивной и подтянутой, совершенно об этом не заботясь, ибо все дни напролет сочиняла тексты для рок баллад. Началось ее увлечение, когда она преподавала в школе. Мама написала несколько стихотворных произведений, выложила их в Интернет и неожиданно для себя получила предложение от одной довольно известной рок группы стать их текстовиком. Марьяна с радостью ухватилась за возможность реализовать поэтический дар, а заодно и заработать денег и сотрудничала с музыкантами вплоть до рождения Юрика. Затем парни отказались от маминых услуг, сообщив, что нашли другого автора. Мама же продолжает упрямо писать в стол, надеясь, что многолетние исполнители песен на ее стихи опомнятся и позовут ее обратно.

– Мы нянечку уволили, – сообщила мать, делая вид, что

не услышала моих пояснений про бассейн. – Ксюша оказалась ужасно невежественной, упрямо говорила «ложить». Я сто раз поправляла, но все без толку. Юрик со дня на день заговорит, ему нужна няня с хорошим русским языком.

– Нестрашно, найдешь, какую захочешь, – отозвалась я, направляясь в свою комнату, чтобы собрать плавательные принадлежности.

– Некогда мне нянь искать, мы с Вероникой прямо сейчас едем на открытие выставки в галерею Высокого Искусства, – отрезала мать.

Это было сказано таким тоном, что я поняла: лучше распрощаться с мечтой о бассейне и предложить свои услуги самой, чем выслушать град упреков, вот вот готовых обрушиться на мою бедную голову.

– Хочешь, я с Юриком посижу? – покорно выдохнула я, добровольно поддаваясь на провокацию.

– Само собой посидишь, не Ольгу же Владимировну просить, – безапелляционно отрезала мама. И назидательно добавила: – Каждый должен заниматься своим делом. У Ольги Владимировны другие обязанности. Я пишу стихи. А ты, Евгения, сестра Юрика и должна уделять внимание младшему брату.

Мать вскинула тонкую руку в серебряных перстнях, подернула рукав шелковой блузы, обнажая запястье, и взглянула на часы.

– Все, время поджимает, – забеспокоилась она. – Мы опаз-

дываем в салон, нужно еще сделать укладку, привести в порядок ногти. Сама разберешься с памперсами и едой? Юрик спит, а когда проснется, ему нужно будет сменить штанишки и накормить полдником.

– Разберусь, – согласилась я. – Дело нехитрое.

– Мариш, ну что ты давишь на девочку? – встала на мою защиту Вероника. – Пусть Женька идет в бассейн, выставка продлится два месяца, спокойно подберем Юрику няню и съездим в галерею в любой другой день.

– Из за каприза взбалмошной девчонки я должна пропустить открытие выставки? – взорвалась мать, сверкнув глазами и покрываясь красными пятнами. – Ника, ты меня удивляешь. Жене ничего не стоит остаться дома, а для меня присутствовать сегодня в галерее принципиально важно. Все, хватит разговаривать, поехали в салон.

Вероника покорно поднялась с кресла, и я в который раз залюбовалась ее точеной фигурой, золотистыми волосами и породистым лицом, которое совсем не портили слегка длинноватый нос и узкие губы. Сладко потянувшись и подмигнув мне искусно накрашенным глазом, она проговорила вполголоса, так, чтобы мама не могла услышать:

– Женька, не паникуй. Мы постараемся вернуться как можно скорее, чтобы ты успела на последний сеанс.

– Уж постарайтесь, – пробормотала я, направляясь к лестнице на второй этаж, где располагались спальня мамы и отца, комната Василия, моя комната и детская Юрика.

Когда я поднялась на последнюю ступеньку лестницы, на меня налетел полковничий сын, чуть было не сбив с ног. Шел он быстро, но при этом лицо его оставалось бесстрастным, как у манекена. Василий всегда отличался сдержанностью и внутренней силой, позволявшей ему помыкать людьми. Отодвинув меня в сторону как мешающийся на пути предмет, сводный братец перегнулся через перила и деловито спросил, как будто уточнял время обеда:

– Марьяна Федоровна! Какого черта вы руетесь в моих вещах? Что вы там ищете? Клад?

Мама, уже надевшая сапоги и застегивавшая перед зеркалом шубу, с легкими нотками истерики в голосе откликнулась:

– Василий, не надо кричать!

Из них двоих кричала как раз Марьяна, но для матери это состояние было привычным.

– Давай общаться цивилизованно, – продолжала она на повышенных тонах. – Ты, Василий, не хуже меня осведомлен, что твой бизнес, мягко говоря, не совсем легальный. Откуда я знаю, как долго ты еще будешь разбирать на запчасти угнанные машины? Отец же сказал, что прикроет твой сервис, если не перестанешь общаться с криминалом. Раз он сказал – то сделает, я Андрея знаю. И ты знаешь своего отца. Если он еще не лишил тебя куска хлеба, то не сегодня завтра обязательно лишит. По идее, ты уже сейчас должен искать другие источники заработка. Вот я и подумала, может, ты

вовсю торгуешь наркотиками, а я ни сном ни духом? Поэтому я проверяю твои вещи. Я не могу допустить, чтобы Юрик рос в доме, набитом всякой дрянью. Он уже ходит, няня за ним может не доглядеть, и мальчик наестся твоей дури.

Василий даже оторопел от подобной откровенности. Похоже, он не рассматривал ситуацию в таком разрезе. Крах любовно пестуемого авторемонтного бизнеса, на который походя указала мачеха, больно задел его самолюбие. Медленно двинувшись вниз по лестнице, Шах с плохо сдерживаемой в голосе обидой проговорил:

– Марьяна Федоровна, вы себя слышите? Какие наркотики? Какая дурь?

– Откуда мне знать какая? – беспечно откликнулась мать, пожимая плечами. – Дурь бывает разная.

Стоящая за ней Вероника нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, поигрывая ключами от машины, и мама торопливо закончила:

– Все, Василий, не начинай! Пока я живу в этом доме, я буду делать то, что сочту нужным! Если решила осматривать твои вещи – значит, буду осматривать, и ты мне не указ!

– Да кто вам это сказал? – с угрозой в голосе сквозь зубы процедил мамин пасынок, сжимая кулаки, но дверь за разряженными дамами уже захлопнулась, и выплеск адреналина Василия пропал втуне.

Однако Шах не привык уходить побежденным с поля боя. Он озабоченно глянул по сторонам, ища, на ком бы отыграться, поблизости оказались я да притихшая домработница, замершая внизу с тряпкой в руках, а также йоркширская терьерша Бося, обычно пребывающая в двух состояниях – либо неудержимой радости, либо панического ужаса. Сейчас Бося являла собой иллюстрацию к своему второму состоянию. Она сидела, забившись в угол коридора, и взбешенный парень кинулся на самую беззащитную из трех возможных жертв. Василий в два скачка поравнялся с собакой и пнул ее в мягкий зад так, что она покатилась по коридору, скуля и жалобно повизгивая.

– Какого черта вы свалились на мою голову? – сквозь зубы процедил парень, угрожающе надвигаясь на меня. Грубые выходки сводного брата я давно уже не принимаю на свой счет, понимая, что это всего лишь компенсация обиды, полученной им от Марьяны.

– Видеть вас не могу! Забирай свою мать и вали, чтоб духу вашего не было! – приказал Шах.

Пару лет назад молодой и дерзкий Василий, привыкший к всеобщему преклонению, пытался подобным образом разговаривать с Марьяной. На претензии пасынка моя мать невозмутимо отвечала, что готова уйти хоть сейчас, но отец Ва-

силлия потратил немало времени и сил, уговаривая ее пере-ехать в этот дом. И Марьяна делает большое одолжение своему мужу, проживая под одной крышей с его хамоватым сыночком. Мамин муж, прознав про их приватные беседы, надрал Василию зад, и я уже думала, что гордец после армии уж точно захочет жить один, но тот из принципа вернулся в отчий дом, чтобы продолжать холодную войну с ненавистной мачехой. Теперь, когда замечания Марьяне следовало тща-тельно взвешивать, он отыгрывался на мне, выговаривая то, что не смог донести до моей матери.

– Да я уеду хоть сейчас, – миролюбиво откликнулась я. – Ты готов посидеть с Юриком? Или мне забрать малыша с собой?

– Пошла ты знаешь куда? – буркнул Василий, скрываясь за дверью своей комнаты.

Я знала, куда мне пойти, и потому отправилась в детскую. Юрик уже проснулся и, радостно улыбаясь, сидел в своей кроватке, разбирая пластмассового слоника на составные ча-сти. Мой младший брат, очаровательный ангел с льяными кудряшками и розовыми щечками, имел явную склонность к анализу окружающих его предметов. В свои полтора года он ухитрился разобрать все, что попало ему в руки. Разобрать и отчасти съесть. Часто меняющиеся няни только и успевали доставать у него изо рта крышки от пультов, пальчиковые ба-тарейки, лапы резиновой обезьянки и копыта от плюшевых лошадок, которые он с недетской силой умудрялся оторвать

и основательно пожевать. Слоник, который сейчас подвергался разбору, раньше венчал механическую карусель, призванную развлекать малыша монотонным вращением зверюшек по кругу под легкий штраусовский вальсок. Теперь сама карусель валялась на полу, а обобранные с нее звери лежали перед Юриком, сложенные аккуратной кучкой, и ждали своей очереди. Слоник был первым, кому не повезло. Малыш уже открутил ему хобот и теперь деловито совал указательный палец в образовавшуюся дыру на пластмассовой голове, пытаясь добраться до слоновьих мозгов.

– Ну и кто поломал слоника? – строго сказала я, направляясь к кровати.

Малыш радостно засмеялся и поднял над головой пухлые ручонки с останками игрушки, как боксер, празднующий победу.

– Все ясно, Юрик поломал, – сердитым голосом проговорила я, стараясь не засмеяться.

Несмотря ни на что, братика я очень люблю и не могу всерьез на него злиться. Иногда я ловлю себя на мысли, что в любой момент могу родить себе подобного ангела, но тут же гоню крамолу прочь, вспомнив про возможную реакцию Марьяны, предугадать которую нетрудно. Да и от кого мне рожать, если каждого парня, который надумает заглянуть ко мне в гости, мама встречает язвительными замечаниями и колкостями, после чего ни один здравомыслящий человек не решится повторить визит в негостеприимный дом. Взяв бра-

тишку на руки, я понесла его к дивану и уложила на расстеленное одеяло, чтобы проверить памперс. Пока я возилась с колготками, Юрий задира́л к потолку толстенные ножки в перетяжечках, а я целовала его в розовые пятки. Затем мы надели штаны и отправились гулять по дому. Заглянули в мою комнату и обнаружили на прикроватном столике забавного плюшевого мишутку с синим носом и заплаткой на голове. Это Вероника балует меня медвежьими сувенирами, зная, что я очень люблю серого Тэ́дди. Время от времени рядом с моей кроватью появляются блокноты и ручки с его изображением, удобные пижамы и ночные сорочки или такие вот забавные игрушки. Юрий сгреб медведя в охапку и потопал на выход. Мы спустились на кухню и, усевшись в стульчик для кормления, ели сами и кормили синеносого друга. То есть, размахивая игрушкой, плевались пюре из бананов и яблок, крошили на пол печенье, брызгали во все стороны соком – короче, полдничали как могли.

Потом гуляли во дворе, черпая снег варежками, подкидывая над собой и любуясь на искрящиеся снежинки в свете уличного фонаря, затем лепили снежную бабу с носом морковкой и глазами из угольков. А после боялись, что из темного леса, начинающегося прямо за забором, придет серенький волчок и ухватит Юрика за бочок, и, спасаясь от волчка, бегом вернулись домой, переоделись в сухой костюмчик и снова спустились вниз, чтобы смотреть, как Ольга Владимировна заканчивает натирать паркет, торопясь успеть к воз-

вращению хозяев. За развлечениями день пролетел незаметно, и наступило время кормить Юрика ужином и укладывать спать.

* * *

Расположившись на диване в гостиной нового дома в Екатеринбургском переулке, так похожем на отчий дом в Трехпрудном, Марина и Сергей слушали, как няня за стеной укладывает спать их крошечную дочь Алю. Ариадна родилась удивительным ребенком, и каждое ее новое движение, жест или звук юная мать записывала в дневник, чем в настоящий момент и занималась, откинувшись на диванные подушки. Сергей читал учебник естествознания – в свои двадцать лет он по слабости здоровья никак не мог закончить гимназию. Искоса поглядывая на мужа, Цветаева произвольно вспоминала слова Волошина, которые старший друг сказал ей на прощание:

– Что касается меня, Мариночка, то я могу принести тебе лишь самые искренние соболезнования. Мне кажется, ты слишком неукротима для такой лживой формы жизни, как брак. Все это лишь эпизод, и очень кратковременный.

Марина тогда вспыхнула и резко ответила:

– Ваши слова, Максимилиан Александрович, – прямое издевательство! Есть области, где шутка неуместна!

– Не надо сердиться, Мариночка, – ласково молвил муд-

рый Макс, – будущее покажет.

Как же неприятно теперь осознавать, что Волошин был прав! Марина затушила папиросу о дно пепельницы и захлопнула толстую тетрадь, в которой вела записи. Ее волновала одна неотступная мысль, с которой она больше не могла мириться. Закурив новую папиросу, молодая жена повернула пылающее лицо к сосредоточенному мужу и тихо произнесла:

– И все таки я ничего не могу с собой поделать, Сереженька. Я люблю вас обоих. Петеньку и вас.

Эфрон дернулся, словно его ударили наотмашь по лицу и, побледнев, оторвал глаза от книги, страдальчески посмотрев на Марину. Речь шла о его старшем брате, больном туберкулезом и приехавшем из Парижа, чтобы умереть на родине. У Петра имелась супруга, очаровательная танцовщица Верочка Равич, однако Марине это не помешало тут же проникнуться к родственнику пламенной страстью и, не скрывая своего обожания, ежедневно навещать к Петру, засыпая его признаниями в любви. Все знали это, все видели и, как казалось Эфрону, смеялись за их спиной. Сергей молчал, но огромные глаза его выражали такую боль, что Марина, торопясь оправдаться, сбивчиво заговорила:

– Он для меня прелестный мальчик, о котором – сколько бы мы ни говорили – я все таки ничего не знаю, кроме того, что я его люблю! Вы мальчики, жестоко оскорбленные жизнью! Мальчики без матери! Хочется соединить в одном

бесконечном объятии ваши милые темные головы, сказать вам без слов: люблю обоих, любите оба – навек!

– Да, Мариночка, я все понимаю, вам не нужно передо мной отчитываться в своих поступках, – стараясь скрыть смятение, промямлил юный супруг поэта Цветаевой, поднимаясь с дивана и направляясь к выходу из гостиной. – В конце концов вы, Мариночка, вольны любить кого хотите, – добавил он у самой двери.

Смерть Петра Эфрона положила конец этому необычному треугольнику. А через некоторое время Сергей поразился, насколько пророческими оказались его слова о возможности супруги любить того, кого ей вздумается. Новую страсть М. звали Софья Парнок. Парнок тоже писала стихи и слыла в богемных кругах сторонницей однополый любви. Увидев в одной московской гостиной тонкую сероглазую девушку, окруженную флером роковой тайны, которая поднесла спичку к ее папиресе и посмотрела так, что пробрало до костей, Марина испытала безотчетный трепет и, сжав в кармане брегет, страстно пожелала быть любимой этим загадочным существом. И – свершилось! Софья обратила на нее внимание. Парнок была старше, опытнее и впервые в жизни дала Марине возможность почувствовать себя в роли введомой маленькой девочки, ведь слабого «Орленка» Сереженьку Цветаевой приходилось тащить на своих собственных плечах, хотя она и уверяла себя в стихах и просто так, мысленно, что он – Белый Рыцарь и мужчина всей ее жизни.

Теперь на литературных вечерах подружки сидели в обнимку и, шокируя добропорядочную публику лесбийскими выходками, курили одну папиросу на двоих. Марина смотрела на мир холодно и уверенно: пока брегет с ней – все будет так, как ей хочется, желания будут исполняться. А пока Марине хотелось одного – чтобы им с Соней никто не мешал. Сергей же постоянно путался под ногами, лез в ее дела и вообще всячески выражал свое неодобрение новому увлечению супруги. И даже говорил, что будь Парнок мужчиной, он вызвал бы его на дуэль. Между тем над Россией сгустились тучи, началась Гражданская война, и когда студент первого курса Московского университета Сергей Эфрон, доведенный до отчаяния очередной изменой жены, поступил братом милосердия в военный санитарный поезд в надежде оправдать ожидания М. и стать ее Белым Рыцарем, Цветаева облегченно вздохнула. Брегет продолжал исполнять ее тайные желания!

*** * ***

Но как домработница ни старалась, все таки не успела закончить с полами к возвращению хозяев. Она еще возилась в коридоре, когда распахнулась дверь и на пороге появилась Вероника. За ней вошла возбужденная Марьяна. Мать размахивала руками и, звеня браслетами и повышая голос, говорила, явно продолжая начатый ранее разговор:

– И не подумаю! Почему я должна молчать про Юрика?

Франсуа отлично устроился! Женился, разъезжает по миру с выставками и знать не знает, что у него растет сын!

– Марьяша, умоляю, не вмешивай меня во все это! Я не стану лезть в ваши дела, – отмахнулась подруга. – Ты всегда делаешь так, как считаешь нужным.

Не вникая в суть перепалки, я пробормотала: «Вот и отлично, я успеваю в бассейн», сунула Юрика маме и устремилась в прихожую – одеваться.

– Куда? – прозвучал мне в след грозный материнский окрик. – Уложишь брата спать, – тогда пойдешь.

– Марьян! – развернулась я на каблуках. – Я давно уже немаленькая! Могут у меня быть свои дела?

– Какие у тебя дела? – возмутилась мать, пихая мне обратно малыша. – Я поэт, состоялась как личность, а ты – неизвестно, будешь кемнибудь или нет! Твоя святая обязанность – помогать матери растить ее младшего сына!

– Пусть Василий помогает! – пытаюсь вернуть ей Юрика, парировала я. – Это ведь и его святая обязанность, не так ли?

Мать посмотрела на меня белыми от злости глазами и прокричала:

– Василию мой сын никто, потому что Андрей – не отец ему, а тебе мой сын – брат!

Я дернулась и испуганно уставилась на мать, пытаюсь понять, что происходит. Что она говорит? Марьяна пьяна? Или рассудок окончательно покинул ее? Напуганный перебранкой, Юрик сунул пальцы в рот и заревел. Повернувшись,

чтобы отнести малыша в детскую, я неожиданно встретила глазами с Василием, застывшим на втором этаже у верхней ступеньки лестницы. Он собирался куда то уходить и стоял, причесанный и побритый, в белом свитере и отлично сидящих на его приземистой фигуре джинсах, и запах парфюма, исходивший от него, распространялся по всей гостиной. Я кинула опасливый взгляд на Шаха, пытаюсь определить, слышал он мамино выступление или нет, однако по его непроницаемому лицу невозможно было понять, о чем он в настоящий момент думает.

– И чей же Юрик сын? – неторопливо спускаясь вниз, любопытствовал он, и я поняла, что слышал.

– Занимайся своими делами, – отрезала мать. – Я не обязана перед тобой отчитываться!

– Она что, напилась? – проходя мимо крестной Юрика, усмехнулся парень.

– Мы выпили по бокалу шампанского, – с достоинством отозвалась Вероника, вешая в гардероб шубу.

Мамина подруга посторонилась, пропуская Ольгу Владимировну, собравшуюся уходить, и направилась в комнату для гостей, которую ей отвели в доме.

– Ничего страшного не происходит, Марьяна просто немного взволнована, – добавила она, прежде чем закрыть за собой дверь.

– Давай объясняй всем подряд, что я не напилась, а просто сошла с ума от любви! – гаркнула мать ей вслед.

Хлопнула входная дверь, закрывшаяся за испуганной прислугой. Василий, одетый в кожаную куртку и невероятно похожий в этом наряде на военного летчика, окинул мать полным презрения взглядом и, не попрощавшись, вышел следом за Ольгой Владимировной.

– Мам, – начала я.

– Отстань от меня, – всхлипнула Марьяна, раскуривая сигарету.

Юрик перестал плакать и неторопливо, со знанием дела принялся разбирать по частям кулон, которым занимался до скандала, пытаясь выковырять один за другим камушки, обрамлявшие средних размеров рубин. Украшение принадлежало Веронике, мы позаимствовали его, когда гуляли ножками по дому и заглянули в гостевой санузел. Там, на подзеркальнике, кулон и лежал, ожидая своей незавидной участи. Юрик его сцапал и теперь подвергал анализу. Я подумала, что будет лучше, если кулон вернуть, пока он еще цел, и двинулась к маминой подруге. Постучав в комнату для гостей, мы с малышом вошли и застали Веронику лежащей на кровати. Вытянутые ноги она положила на кованую спинку, чтобы обеспечить отток крови и дать усталым ногам отдохнуть от высоких каблуков.

– Что у вас случилось? – осведомилась я. – Почему Марьяна на взводе?

Вероника поджала губы и сердито посмотрела на меня.

– Жень, а как могло быть иначе, если мы поехали на

открытие выставки ее француза! Того самого Лурье! Помнишь, когда ты маленькой гостила у мамы в Париже, Марьяна познакомилась с симпатичным парнем по имени Франсуа? В свой последний приезд ко мне Марьяна его разыскала, забеременела и, вернувшись домой, родила Юрочку.

Я присела на стул и во все глаза смотрела на Веронику. Помню ли я Франсуа? Ну, разумеется! Довольно трудно забыть человека, который целую неделю возил тебя в Диснейленд, кормил мороженым, сдувал с твоей мамы пылинки, а ты, семилетняя, смотрела на него и думала, что было бы здорово называть этого веселого дяденьку папой. И все к тому и шло, но Марьяну внезапно отозвали на родину, и мама, глотая слезы, улетела со мной в Россию. Марьяна долго не хотела ни на кого смотреть, хотя многие пытались добиться ее расположения, но терпели неизменный крах. Никто не выдерживал конкуренции с маминым французом. Однако настойчивость Андрея взяла верх над маминой предвзятостью, и она вышла за подполковника Шаховского замуж. Все эти годы мама отказывалась рожать Андрею ребенка, заявляя, что у них и так уже есть дочь и сын, которых необходимо поставить на ноги. И когда родился Юрик, отчим радовался даже больше, чем когда ему присвоили звание полковника. И что же, получается, что Андрей Шаховской – Юрику не отец?

– А почему Марьяна ждала столько лет и разыскала художника только сейчас?

– Франсуа Лурье все это время провел в Африке, создавая свой «желтый» цикл, и вернулся в Париж только два года назад, и не один, а с Сесиль. Супруга художника, являясь его спонсором и продюсером, позаботилась, чтобы об этом написали все новостные издания, и твоя мать, как только узнала, что Франсуа снова во Франции, немедленно отправилась в Париж. Я то думала, что она успокоилась, ведь Андрей ее боготворит, но нет, старая любовь не ржавеет.

– Ну и почему Марьяна не осталась со своим обожаемым французом? – обиженно протянула я, забирая у Юрика домашнюю туфлю Вероники, которую он засунул в рот и с упоением сосал. – Если она его так любит?

– Понятия не имею, – дернула плечом Вероника. – Наверное, чувство долга заставило вернуться в Россию. Все таки у нее семья: ты, Андрей, сын Андрея. И за всех сердце болит. Одна отрада – Юрик.

Мамина подруга потрепала крестника по кудрявой головке.

– Его то она любит по настоящему, а не просто растит, вот как тебя, только потому, что обязана.

Слова Вероники больно кольнули меня в самое сердце, но, понимая, что так оно и есть на самом деле, я промолчала.

– А вчера Марьяна узнала, что ее ненаглядный Франсуа приезжает в Москву, и точно ума лишилась, – рассказывала она дальше. – «Я, – говорит, – буду не я, если не попаду на открытие его выставки. Хочу, – говорит, – хоть одним глаз-

ком на него посмотреть и рассказать про нашего сына».

Вероника села на кровати и помассировала отекающую ступню.

– Зная Марьяну, я, конечно, могла предположить, что она затеет с Франсуа разборки, но додуматься до того, что твоя мать сорвет открытие выставки, подерется с женой француза и во всеуслышание заявит, что Франсуа – отец ее ребенка, даже у меня не хватило фантазии, – простонала рассказчица. И со страдальческой гримасой продолжила: – Женя, это был какой то ужас! Началось с того, что Франсуа в приветственной речи отметил неоценимый вклад в свое творчество супруги Сесиль, которая помогает ему морально и материально, а также служит неизменной музой. Вышла подбадриваемая аплодисментами Сесиль и начала раскланиваться перед гостями, а Марьяна налетела на бедную женщину и стала кричать, чтобы та убиралась к черту, у нее больше прав на Франсуа, потому что у них есть общий сын. И все это, ты представляешь, снимали для телевидения! Сесиль это понимала и только натянуто улыбалась и просила, чтобы Марьяна успокоилась, но твоя мать, Женечка, и не думала успокаиваться, а дошла в своей истерике до того, что швырнула Франсуа в лицо визитку со словами: «Если захочешь увидеть сына, загляни по этому адресу». Лишь после этого мне удалось ее увести. Что теперь будет, ума не приложу. Сейчас придет Андрей, и начнется второе отделение концерта.

Вероника прислушалась и, уловив за стеной баритон от-

чима, сдавленно прошептала:

– Уже пришел. Вы идите с Юриком в гостиную, мало ли что. При ребенке он не станет ее убивать. А я здесь посижу, от греха подальше.

И я, подхватив на руки брата, пошла в гостиную, чтобы разрядить обстановку.

* * *

Мать сидела в кресле, с вызовом куря сигарету, чего не делала при отчине никогда в жизни. Курить она бросила лет двадцать назад, хотя в последнее время покуривала, но так, чтобы никто не видел, уходя для этого через веранду в беседку сада. Теперь же она дымила без удовольствия, но с нарочито дерзким выражением лица, словно приговоренная к смерти, выкуривающая свою последнюю сигарету. Отчим стоял у камина и машинально гладил пальцами резную шка-тулку из слоновой кости, которую не так давно подарил матери. Весь вид его выражал тоску и боль. Лицо осунулось и заострилось. Полковник сжал зубы так крепко, что желваки, ходящие туда сюда, казалось, вот вот прорвут натянутую до предела кожу skulls.

– Ты слышишь, что я тебе говорю, Андрей? – требовательно выкрикнула мать, делая затяжку и шумно выпуская дым из тонких ноздрей.

– Да, Мариша, – сделав над собой усилие, глухо ответил

отчим. – Я понял.

– И что с того, что ты понял? – снова повысила голос мать. – Юрик – не твой сын, я тысячу раз могу это повторить! Хочешь, выйду на улицу и закричу, чтобы все узнали? Мне надоело притворяться, изображая добропорядочную жену! Я просто женщина, которая имеет право на счастье, я не хочу скрывать, что родила ребенка от человека, которого люблю! И он меня любит! Понимаешь ты, любит! И мы хотим быть вместе! Ты лишний, ты мне не нужен, убирайся прочь! Ненавижу тебя и твою никому не нужную доброту!

Марьяна била словами наотмашь, но отчим держался молодцом. В какой то момент он, должно быть, перестал ее слушать и, выключив слух, стоял у камина, поглаживая рукой прохладную слоновую кость ларца. Когда Марьяна замолчала, иссякнув в своей злобе, Андрей вскинул голову и посмотрел на нее долгим измученным взглядом. Его отношение к жене можно было назвать даже не столько любовью, сколько преклонением. Благоговением. Обожанием. Полным растворением в ней. Полковник Шаховской Марьяну боготворил и на ее грубые выходки взирал невозмутимо философски, как смотрит набожный крестьянин на разбушевавшуюся стихию, уничтожившую весь его урожай.

– Ты можешь любить меня, можешь ненавидеть, это ничего не меняет, Юрик все равно мой сын, хоть и родила ты его не от меня. А любить кого угодно – это твое право, – твердо проговорил отчим и, заметив нас с Юриком в дверях, протя-

нул к малышу руки. – Сынок, – ласково улыбнулся он, маня мальчика к себе. – Иди скорее к папке на ручки!

Малыш бросил оборванный по пути в гостиную лист фистулы, занимавший до этого все его внимание, и, восторженно бормоча одному ему понятные слова приветствия, ринулся к Андрею.

– Идем ка спать, герой, что то мы припозднились, – озабоченно говорил отчим, целуя тугие щечки Юрика и его пухлые пальчики, которые мальчик азартно совал Андрею в рот.

– Я могу быть свободна? – устало осведомилась я, направляясь в прихожую.

– Жень, привет, мы с тобой не поздоровались, – откликнулся Андрей, поднимаясь по лестнице вместе с Юриком. – Куда собралась на ночь глядя?

– Пойду в бассейн, там до десяти, может, успею полчасика поплавать, – откликнулась я.

– Куда ж ты без ужина? – встрепенулась мать.

– Благодарю, я сыта, – пробормотала я.

– Она же еще и обиделась! – возмутилась Марьяна, рывком поднимаясь с кресла и устремляясь на кухню. – Ребенка не уложила, ужин не приготовила! Ничего не сделала. Ленивая безрукая.

– Спасибо на добром слове! – проговорила я, надевая пальто.

Во дворе послышался шум подъехавшей машины, из открытых окон которой на всю округу разносилась музыка.

Сиплый мальчишеский голос самозабвенно читал рэп, припев подхватывали высокие девичьи голоса. Музыка утихла, в замке загремел ключ, дверь распахнулась, и на пороге появился Василий в обнимку с ярко накрашенной девицей. Подруга висла на Василии, точно была не в силах идти без посторонней помощи. А может, так оно и было на самом деле, ибо от парочки спиртным разило так, что если поднести к ним горящую спичку и заставить дунуть, вспыхнувший факел сжег бы дотла Лесной городок.

– Салют, сестренка, давно не виделись! – приветствовал меня Шах, проходя на середину комнаты и опуская свою спутницу в кресло перед камином. – Как жизнь молодая? Никого еще не родила, пока меня не было?

Девица истерично захохотала, сползая с кресла на пол. На втором этаже показался Андрей, сердито посматривая на сына и его спутницу.

– Нельзя ли потише? – понизив голос, спросил он. – Я ребенка спать укладываю.

– Какого ребенка, бать? – нахмурился Василий. – Которого Марьяна Федоровна неизвестно от кого нагуляла?

Девица снова принялась хохотать, точно услышала невероятно удачную шутку.

– Чтобы я больше ничего подобного от тебя не слышал, – сурово оборвал сына Андрей. И, кивнув на хохотушку, осведомился: – А Света знает, что ты в ее дежурство отдыхаешь с не в меру смешливыми подругами? Девушка, вам домой не

пора?

– Не пора, бать. Танюшка у меня на ночь останется, – лениво пояснил Василий.

– Танюшка сейчас же встанет и пойдет домой, – не терпящим возражений тоном отрезал Шаховской старший. – У тебя, сын, есть Светлана, и я не потерплю здесь других девиц.

Иронично вскинув бровь, Василий сунул руки в карманы куртки и двинулся по направлению к лестнице, на которой стоял его отец.

– И кто это говорит? – ехидно выдохнул он. – Муж образцовой жены? Вот женой бы и командовал! А ты, вместо того чтобы Марьяну из дома выгнать, ее ублюдка спать укладываешь! Ты что, не понимаешь? На нас все пальцем показывать будут! Ты не последний человек в городе! Тебя уважать должны, а не глумиться над тобой!

– Не смей мне указывать, как поступать с женой, – с трудом сдерживая прорывающийся сквозь показное спокойствие гнев, отчеканил отчим. – Еще раз сунешься в мою личную жизнь – мозги вышибу. Забирай свою красотку и проваливай! Пойди прогуляйся, воздухом подыши!

– Охренеть, из родного дома выгоняют! – присвистнул Василий, в развалку направляясь к двери. Ботинки и куртку он так и не снял, поэтому просто пнул дверь ногой и вышел на улицу. Девица вскочила с кресла и бросилась следом за ним.

– Я что, сто раз вам буду кричать, чтобы шли ужинать? – проорала с кухни мать, и Вероника, все это время простояв-

шая в дверях гостиной, одна единственная двинулась на зов.

Отчим отправился укладывать орущего благим матом Юрика, а я поехала в бассейн, чтобы хоть на несколько минут погрузиться в живительную воду и смыть с себя весь негатив, накопившийся за день.

* * *

Я бороздила бассейн из конца в конец, касалась бортика, поворачивала обратно и снова плыла, но мысли мои были далеко. В какой момент жизни Марьяна превратилась в чудовище, которое не говорит, а рычит, ругает, наставляет и направляет всех на путь истинный, который известен только ей одной? Думаю, что характер мамы испортился, когда ее стихи перестали быть нужны. Лишившись слушателей, Марьяна утратила смысл жизни. Но, объективности ради, стоит заметить, что и тексты ее изменились. Марьяна считает, что растет и совершенствуется, оттачивает мастерство, но последние ее стихи потеряли линейность и внятность, стали рваными и путанными, так что парни, отказавшись от сумбурных маминых текстов, по своему правы. Только отчим продолжает превозносить поэзию Марьяны, уверяя, что она – лучшая. Но Марьянина страничка в Интернете говорит об обратном. На нее перестали заходить прежние поклонники, зато зачастили новые посетители, ругающие мамини стихи на чем свет стоит. Начитавшись злобных пасквилей, Марья-

на звереет и бросается на домашних. Мне то хорошо, есть где укрыться, но каково Андрею? Да и Василию приходится несладко, не говоря уже о Юрике. Малыш остро чувствует настроение матери и реагирует на ее истерики бессонницей и ревом. Даже не знаю, как мы будем жить теперь, когда Марьяна из за своей минутной прихоти обрушила на нас никому не нужную правду и семья взглянула на Юрика другими глазами. Малыш то чем виноват? Василий прав в одном – теперь все будут показывать на нас пальцем и шептаться за нашими спинами, обсуждая моральный облик любимой жены полковника Шаховского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.